

Интересно узнать, нормально ли для человека, еще только начинающего взрослую жизнь, подобно старику постоянно вспоминать свое прошлое? Хотя какое «прошлое» может быть в двадцать три года, когда за это недолгое время не было пережито ничего сверхважного или сверхтрудного? Всё как у большинства: детский сад, школа, институт, работа... Но почему-то всё чаще из памяти всплывают эпизоды из детства и юности...

Лето. Родной поселок. Мне пять лет. Я до самозабвения увлечена своими играми во дворе. И мама, на два года старше сегодняшней меня, зовет покушать. На обед она сле-

пила вареники с малиной, набрав ягод в палисаднике возле дома. Насколько же забавно вспоминать их сейчас! Изучая ассортимент в супермаркетах, можно увидеть вареники с картошкой, творогом или, в крайнем случае, с вишней. Но с малиной мне больше не встречались.

Вообще ягоды для меня ассоциируются с детством. С малых лет меня брали в лес; о разновидностях растений и грибов узнала раньше, чем на уроках окружающего мира. Может, со временем мы идеализируем свое прошлое?.. Нынешним летом побывала в лесу – грибов и ягод немного, а вместо муравейников выросли мусорные кучи, да неподалеку слышался рёв бензопилы.

Помню, как мы с тётей, – мне всё еще было пять, а тётё тринадцать, – кормили козла Ваську пирожками с черникой. Удивительно, но такая пища пришлась по вкусу козлу. Он просовывал сквозь дырку в заборе свою наглую белую морду и принимался лихо пережевывать бабушкины старания. Пирожки были очень вкусными, но кормить Ваську оказалось интереснее.

Неделю спустя мы вдвоём ушли на берег реки, где я купалась до гусиной кожи и синых губ, убегала от тётки, когда та пыталась увести меня домой. Я со смехом заходила в воду, а тётка кричала с берега, что надерет мне задницу, когда вернемся домой. На следующий день меня положили в больницу с воспалением легких.

Вспоминается как хорошее, так и плохое. До шести лет я была замороженным ребенком, но перед школой меня записали в подготовительную группу детского сада. Там я узнала от детей, что у меня смешная фамилия и некрасивое платье. Я, недолго думая, провела нелестные аналогии с их фамилиями и нарядами. А после внутренне ликовала оттого, что дала отпор своим первым в жизни обидчикам, но такое поведение почему-то не понравилось ни воспитательнице, ни маме...

Зимним утром я проснулась и увидела в одной из комнат елку. Папа установил ее в ведре с углем. Мама сидела на полу и рас-

путывала слежавшуюся за год гирлянду. С щенячьим восторгом я принялась помогать ей в этом «запутанном» деле. Елочка (точнее, пихта) плакала янтарными слезинками, вспоминая заснеженный лес, а я в тот момент ощущала непередаваемое детское блаженство, вдыхая хвойный аромат. И почему праздники не приносят подобной радости сейчас? Вечером пришли гости, звенели бокалы, галдел телевизор, слышались разговоры и смех. А я просто радовалась, еще не понимая, что мир в эту ночь готовится встретить миллениум. Потом все взрослые обратились к телевизору. И там какой-то седой дяденька гнусавым голосом что-то долго говорил. Запомнились только слова: «Я устал, я ухожу».

В сентябре я пошла в первый класс. То, что ты чем-то не нравишься людям, особенно остро начинаешь чувствовать в школе. Чуть ли не с первого класса. «Она не такая как все, значит, дура», «играй вон с той девочкой, у нее красивые штаны». «От него воняет, значит, можно обзывать» и т. д. – глупые правила детского коллектива. В младших классах я потеряла интерес к общению со сверстниками, зато полюбила рисовать и читать книги, чем люблю заниматься по сей день.

В одной из потрепанных детских книг прочла стихотворение, герой которого, тоже ребенок, восхищался своей страной – насколько она огромна и красива. На картинке мальчик держал глобус, на котором красным цветом выделена страна, занимающая чуть ли не половину материка. Позже я узнала, что эта огромная и прекрасная страна называлась СССР, но теперь ее нет, правда, есть Россия. И Россия по-прежнему остается самой большой страной в мире. Эта новость несколько не огорчила меня. «Ну, нет так нет, – подумала, – я всё равно живу в самой большой стране, и это круто».

Минусы взросления: сначала ты находишь недостатки в себе, потом в своей семье, а позже – в стране. Всё чаще от взрослых, побывавших за границей, можно было услышать: «Там всё для людей!» Заворо-

женно слушала, какие ТАМ ровные дороги, высокие пособия и зарплаты, а магазины ломятся от всевозможных товаров. «Там всё для людей» – эта фраза словно впечаталась в мое подростковое сознание. Я представляла, что там, за границей, идеальный мир, где люди живут легко и достойно. «А что же у нас?» – автоматически возникал вопрос. А у нас воровство, пьянство, бандитизм, наркомания, деградация, нищета и отсталость...

В старших классах отношения со сверстниками окончательно испортились. Друзья не понимали меня, а я не понимала их. Страдала от депрессий, комплексов и гнетущего одиночества. Что делать с моим нескончаемым потоком мыслей, чувств, переживаний? Как распорядиться своей жизнью? Кто я есть и на что способна?.. Старшие классы – период моего «затворничества». Вечерами я читала Гёте и Толстого, Шолохова и Набокова. Могла тайком выпить пива. Пробовала курить – не понравилось. Осмелилась сказать: «Ты мне нравишься». Услышала в ответ: «Ты не в моем вкусе». Я отстранилась от окружающего мира, завернулась в невидимый кокон в надежде вылететь из него прекрасной бабочкой. «Где-то там меня ждёт другая жизнь», – повторяла я себе в минуты боли и отчаяния.

Ещё одним увлечением стало изучение английского языка, который давался куда лучше, чем алгебра или химия. И если мне удавалось понять какую-нибудь фразу, испытывала что-то вроде гордости за себя. Успех в изучении языка поднимал самооценку. Английский и литература были моей терапией. Они и определили дальнейшую судьбу.

Педагогический институт. Филфак – мой «светлый период». Новые друзья, любимая учеба, студенческие гулянки и романтические прогулки под луной. Я мечтала стать переводчиком и общаться с иностранцами, с завистью смотрела на студентов, вернувшихся из Европы.

Но мечтать легко и приятно лишь сидя у мамы на шее. Нужно было кем-то становиться и на что-то существовать. И вот мои фантазии о Лондоне и Биг-Бене ограничились

классным кабинетом с шаблонными плакатами на стенах. Сельская школа, зарплата в двенадцать тысяч рублей – моя новая реальность.

Теперь я работаю учителем английского языка. Давно ушли те подростковые мечты о «радужной загранице». Общалась с иностранцами – такие же люди, как я.

Успела посмотреть страну, а за рубеж уже не особо тянет. В России и в мире многое поменялось. На многие вещи я взглянула по-другому. Что-то по-прежнему осталось непонятным, но знаю одно – я всё еще люблю свою страну. Как бы из меня ни вытравливали это чувство. Проблема нашего поколения: родившись на руинах прошлой эпохи, глядя на новый стремительный век, мы, словно тот витязь на распутье в работе Васнецова, стоим порой и не знаем, в каком направлении нам двигаться. К чему стремиться. Кем нам быть в это безрассудное время?